Три

Автор:
Рина Оре

Три

Рина Оре

Три короткие и мистические истории: история грибника, история пассажирки самолета, история мошенника. Первая часть из трилогии "Три. Два. Раз." – трилогии рассказов. Фотография для обложки – из личной коллекции автора.

История первая

Грибы

1993 год

Врать не буду, в мистические явления до сих пор не верю. Мужик я простой. Обратитесь ко мне «Юрик», я не обижусь, хотя могу вломить и в свои шестьдесят, если обижусь…

История эта случилась еще в девяносто третьем. Жил я тогда я Сибири, в городе нефтяников, в Ханты-Мансийском округе. Был моложе лет на двадцать, младшая моя дочка закончила третий класс, старшая – восьмой, собаки еще у меня не имелось, водил ВАЗ-2121, то есть «Ниву», белую «трехдверку» восемьдесят третьего года выпуска.

Обожаю собирать грибы. И тогда и сейчас. Родился в грибном месте, в деревне Тульской области у густого леса, с детства наслушался баек не про лесную нечисть, а того что мы, пионеры, на небо залезем и разгоним всех богов. Технический вуз в Тюмени эту уверенность укрепил. Но вернемся к грибам…

Настоящего грибника узнаешь издали. Он идет по лесу не с ведром, нет и нет. Нужна корзина, да не лубочное лукошко, а солидная, мужская корзина с высокими вертикальными стенками. У меня грибная корзина из лыка, с крепкой ручкой, в нее поместится канистра на двадцать четыре литра, и пока я свою корзину не заполню, из леса обычно не ухожу. Ножик (кухонный, безобидный) крепится сбоку к корзине. Таскаю его на всякий случай, грибы не режу – выкорчевываю, – так дед мой делал, моего отца научил, отец – меня. И, уж поверьте, хожу я из года в год по излюбленным местам, и грибов там не уменьшается.

Был август, утро четырнадцатого числа, суббота. Как понимаете, до того была пятница тринадцатого… Подскочил я раньше шести – заняться нечем – и решил по грибы, пока все мои спят, податься. Сказано – сделано. Через час уж стою за городом у леса и размазываю по морде лица «дэту» (ДЭТА – это диэтилтолуамид, средство от гнуса – тогда такое только продавалось). Руки тоже надо хорошо промазать. Комарье в Сибири грызет нешуточно, болот много; в лес едва зайдешь – над тобой рой звенит. Даже под ремешком часов всё обкусают, если там не обмазаться «детой». Дороги за городом проложили нефтяники к кустам скважин. Сперва идет хорошая дорога из бетона, а от нее грунтовые. На такой грунтовке я и остановился. Вокруг – ни души. Раз в час, может, кто-то мимо проедет, а то и раз в сутки – выходные…

Место грибное тянется по просеке; внизу трубы нефтепровода. Трубы приподняли землю, годы спустя мхи и травка наросли, с деревьев листва летит, грибам там расти – раздолье. За час на одной такой просеке корзину свою всегда заполняю. А в тот день – иду, иду… Пара подосиновиков – и всё, да и те собрал у грунтовки!

Моя младшая, Алёнка, фантазерка еще та. Верит, что грибы – это хитрые зверьки. Что надо идти по лесу тихонько – и тогда они не успевают в землю спрятаться, тогда мертвыми прикидываются. Иногда мне кажется, что она права, хотя знаю, что нет. Вот идем мы семьей друг за другом, я – первым, и каждый из нас грибы находит! А глаз-то у меня орлиный…

Ну да ладно… Иду я, значит, по просеке, расстраиваюсь. Заблудиться там невозможно – путь узкий, прямой, параллельно одной просеке тянется другая. Сибирское солнышко в августе ласково светит, уж не жарит нисколько, ветер холодный, но в лесу тепло; ароматы сырые, приятные до одури, – пахнет опавшей листвой, вязко-сладким перегноем, терпкой древесной трухой… Да, на звук не очень, зато носу – радость. Я и сам не раз поражался, отчего такое малопривлекательное явление, как гниение, именно в лесу благоухает сказочно, это ведь, по сути, запах смерти. Наверно, потому что в лесу ничто не умирает зря – гибнет для питания другой жизни, в том числе для пищи грибов.

Далеко я зашел по просеке – дальше, чем обычно. Гляжу: справа осиновый лесок. И там можно грибы поискать, да какой-то неприятный туман сгустился.

Всё же сошел я в осинник. Почти сразу вижу – мужик идет навстречу. Штормовка как у меня, кепка, черное трико, васильковая олимпийка, резиновые сапоги, и даже корзина, – всё как у меня. Сперва я не удивился: СССР всего ничего как распался, дефицит в стране, мужская одежда типовая… Словом говоря, наша одинаковая одежда моего внимания не зацепила, но вот корзина… Ее я с родины, с Тульской области, привез. Ни у кого подобной корзины на севере не видал. Однако (ну чего не бывает?) подивился, и всё. Мужика же за корзину зауважал.

Лицо у него, конечно, не мое было, да и сам мужик длинный, жилистый, а я, хоть не шибко высокий, зато крепкий – о-го-го – силушкой природа не обделила.

Перекинулись мы, значит, с мужиком парой фраз. Говорю, мол, рано еще для грибов – ничего не собрал. А тот оборачивается и тычет в землю: «Глянь, красноголовиков сколько!». И правда – полянка вся в подосиновиках! «Собирай, собирай, – говорит мужик, – их здесь много. Все твои…» И уходит, а у него самого корзина пустая. Я же поглядел ему вслед и отметил тогда, что комарье над ним не летает. Не по себе стало, да минуты через три позабыл о странном мужике. Увлекся я «тихой охотой» – шаг туда, шаг сюда, и везде всё рябит от нарядных красных шляпок – от круглых у малюток до размашистых, с тарелку, у гигантов. И ни одного червивого гриба!

Взял я самые красивые грибочки, перерастков трогать не стал. Выхожу, довольный, к машине – не заводится зараза! И тут рядом останавливается такая же белая «Нива», как у меня, а за рулем тот же мужик!

Ну, посмеялись – и машины-то у нас одинаковые. Мужик сказал, что его «Женёк» зовут, – да, так и сказал. А я ему – «Юрик». Толкнуть мою машину странный незнакомец отказался – якобы спина у него болит, троса ни у него, ни у меня, как назло, в багажнике не нашлось. Тогда же я отметил, что корзина в багажнике «Женька» по-прежнему стоит пустая! И чего он час в лесу делал, раз с пустой корзиной возвращается?

Пока я на корзину пялился, говорит мне ее хозяин: «Могу до базы подбросить. Там занедорого возьмешь помощь». «База» – это оптовая продуктовая база в промзоне, где полно машин, самых разных. За бутылку можно сговориться…

Думаю: «Дело говорит, а то буду здесь незнамо сколько куковать» (мобильных телефонов тогда у нас не было). Уже почти согласился, когда смотрю – точно такая же у него царапина на двери, как и на моей «Ниве». И испугался я, машинально взял кухонный ножик для грибов. А у мужика в руке такой же! Стоим мы, значит, оба с ножами, меряемся глазами, но страх из меня с каждым вдохом свежего, ветреного воздуха уходит. «Ну чего перетрухал, – думаю, – да я и без ножа ему так вломлю, если что!»

«Езжай, Женек, отсюдова пошустрее, – говорю ему, опуская нож, – а то монтировку достану!» Тот недобро усмехнулся, сел в свою «Ниву» и газанул – уехал! Да задний номерной знак у него – черный, старый, – такие до восьмидесятых были: «08-93» сверху и «ЮРА» под цифрами. И как же мне эта табличка могильную напомнила! Прошу заметить, был август девяносто третьего…

Едва мужик скрылся, завелась моя старенькая «Нива»! А я всё равно выждал, покурил дважды, – не хотел еще раз странного «Женька» встретить. До города ехал тихо-тихо, дурное предчувствие сердце кололо, но нет – доехал без происшествий.

В квартире выдохнул. Жена и дочки уже на вещевой рынок ушли. Я же давай красноголовики чистить, резать, жарить их с луком и со сливочным маслом, – на вид такая грибная каша не очень – подосиновики неприятно чернеют, зато на языке – вкуснота. Подоспели мои как раз к концу жарёхи. Старшая дочка с женой сразу к зеркалу – обновки разглядывают, а младшая Аленка – на кухню – я ей полную тарелку. Сам тоже пару ложек в рот положил – объеденье!

И тут жена на кухню входит – хвалит меня, в корзину заглядывает, и вдруг орет: «Юрик! Юрик!» Я на корзину – подосиновики – ей в глаза – «не понимаю?». И снова глянул в корзину – а там одни красные мухоморы и бледные поганки! А Аленка трескает мою грибную кашу за обе щеки!

Я Аленку, понятно, в охапку, и с ней вниз, на улицу, прям в тапках побежал. Жена и старшая дочка за мной. Сел в машину, повернул ключ – завелась зараза. И вспомнил, что тоже мухоморы ел. Яда в них меньше, чем в поганке, да мутит с него быстрее. Если бы сам поехал – точно всю семью бы угробил. Жена орет, а я из машины – соседа вижу на жигуле – выручай, Витька!

Ладно, долгим рассказом утомлять не буду, да и рассказчик из меня – так себе: в больницу успели вовремя, никто насмерть не травануился, в аварию не попали, Аленка ничего поняла. Ну, в милиции только мозг мне пропарили: «Зачем семью потравил?» Я сначала молчком про странного мужика – потом всё выложил. Не знаю, поверили ли, знаю, что посмеялись. В конце концов отстали. Жена же мне поверила – и в церковь зазвала. Что ж, я без возражений окрестился. Спрашивал у батюшки: «Что за нечисть мне являлась? Леший или черт какой?» – ответа толкового не получил.

2013 год

Больше «Женька» не видал, один в лес по грибы не ходил долго. И уж никогда сам грибы не готовил, без жены-то… Годы шли, всякое в стране было, как-то позабылся тот лесной черт, да не до конца. Ну не люблю я так – люблю до правды докопаться. И копал – перечитал столько… Оказывается, грибы – это тайна. Грибы – это немного растение, немного животное; питаются скорее как животные – органикой, к фотосинтезу не способны, хлорофилла в них нет, зато среди грибов есть мужские и женские особи. Еще грибы старше динозавров, и в те доисторические времена грибы росли выше десяти метров; радиация, что убивает всё живое, им не вредит, видов грибов – более двух миллионов, изученных – намного меньше. Растущий гриб способен пробить мрамор, бетон и железо. Плодовое тело такого гриба, как, например, подосиновик, – это шляпка и пенек (ножка); основное тело – разветвленная подземная сеть из нитей (гифов) – это грибница, по-научному – мицелий. Часто мицелий срастается с корнями деревьев и пьет их фитогормоны, аминокислоты, сахара, взамен дает

минеральные вещества, прежде всего, фосфор. Прочитал также, что если гнилушка или старый пень в темноте светятся зеленовато-белым – это светится мицелий опенка. Можно даже сделать дорожку из искр, если раздавить и разнести такую гнилушку. Грибы, как ничто иное, стремятся к симбиозу – к сотрудничеству с водорослями, растениями, животными, людьми, нередко к паразитическому симбиозу.

От научных фактов к мифологии. Тут уж – фантазии раздолье, кратко перечислю самое интересное. У многих народов галлюциногенные грибы считались то пищей богов, то телом богов, их появление связывали не с дождем, а с грозой, громом или молнией. Форма гриба навевала либо мысли о топоре, либо о фаллосе. Грибы участвовали в сотворении мира как дерево-прародитель. Издревле грибы связывали с ведьмами, нечистой силой, волхвами. Самый популярный гриб у шаманов северных народов Сибири – красный мухомор. По поверью, опьянение от него вводит человека в царство мертвых. Любят грибы расти и на кладбищах. У славян наличествовал дух Боровичок – крошечный старик, живущий под грибом, хозяин всех грибов в бору. Если срезать его дом – гриб, под каким он живет, Боровичок кинет в корзину мухомор или поганку. А еще по бору ходил Боровой, страшнее медведя, кто-то сорта Лешего… В общем, вроде как и ерунда, а вроде как есть в этих сказках крупица того, что мне подходит.

В двухтысячных поехали мы с женой на ее родину – в село Курганской области. Зауралье у реки Тобол пленяет глаз некрикливой и все ж волшебной русской красой: березовые леса, сосновые боры, тополевые рощи. В водах рыбы – от карася до осетра. Тишина – благодатная, а воздух настолько целительный, что долгожители в тех местах не редкость. Говорили, и до ста семидесяти лет дожить можно! Про это точно не скажу, а вот старушка лет ста в селе имелась. Звали ее Тарасья, хотя на внешность она была необычная – явно из некого коренного этноса, похожего на манси. Так Тарасья мне про лесного черта всё стройно разъяснила. Сказала, что это как бы оборотень был такой, что порой духами-оборотнями становятся злые шаманы, какие не хотят умирать – уходят они полуживыми в царство мертвых и изредка могут его покидать – бродят тогда по лесу, ищут грибника или прочего охотника. Имеют оборотни облик того, кем прикидывались ранее, но одежду встреченного грибника на себя примеряют (раньше одёжи-то тоже у всех были похожими, оттого и вышивали на них в оберег узоры), его поклажу берут, повозку. Не по-настоящему это всё для того, кто видит оборотня, – морок. Если бы я сел в машину «Женька», по словам Тарасьи, то отвез бы он мою душу в царство мертвых, а сам в моем теле к семье бы моей явился, жил бы моей жизнью, нервы бы моим родным мотал, соки из них

пил, несчастными, как мог, их бы делал. Шаману-оборотню боль и слезы, что вода, для его злого духа, то есть силы для роста. А в итоге – по зиме жену мою и дочек он съел бы. Да, натурально съел бы, людоед! Сам в лес бы подался, под валежник забился, неупокоённый бы помер. Когда к ним в село из леса мужик возвращался другим, то к шаману его вели. Правда, после обряда у шамана бедолага бывало помирал, зато не успевал никого сожрать. И раз я прогнал людоеда-оборотня, хотя взял его подарок – грибы, то обиделся он – вот и подменил подосиновики на мухоморы с поганками, паскуда. Добавила Тарасья еще, что хороший я человек, раз Ангел-хранитель меня, некрещеного, спас…

Слушаю эту темную старуху, а сам думаю: «Раз не меня, кого-то другого «Женек» нашел…»

Ну вот так-то так. Врать не буду, в мистические явления до сих пор не верю…

История вторая

Терминал С. Добро пожаловать в Рай

Рейс 3М-321

Рейс был самым обычным, утренним, известной авиакомпании, «Боинг» – на вид не новым и не старым. Внутри него всё пластиково-сине-бело-ковролиновое, по три кресла с каждой стороны прохода, тридцать три ряда, три из них в бизнес-классе, салон разделен на три части. «Бог любит троицу, – почему-то тогда, садясь на место «F» в десятом ряду, подумала я. – Люди же суеверны. Наверно, число три нас успокаивает».

Я летела по делам из Москвы в Сочи, где до этого была лишь единожды. Время в пути – два часа и десять минут, самолет полон, помада у всех стюардесс красная, их улыбки из пластмассы для кукол. Громогласные детишки (next generation, одуревшее от сахара), уже вопят, дергая ногами со скуки, младенцы

заплачут при взлете… Ненавижу летать в светлое время суток, хотя и ночью-то за два часа толком отдохнуть не дадут – сперва целый час развозят напитки и сэндвичи, затем выключают свет в салоне на полчаса, затем, едва все уснут, будят – пристегните ремни, приготовьтесь к посадке, поднимите кресла, – самолето-садисты…

Я – это Света, для друзей – Клэр. Я крашу свои волосы, длиной до плеч, в светло-каштановый цвет, хотя от рождения медно-рыжая, веснушки – мое летне-весеннее бедствие, брови у меня под краской тоже рыжие, ресницы, если без туши, бесцветные, глаза – огромные, голубые-голубые. А еще я маленького роста – едва дотягиваю до «файв фит», то есть полтора метра. Меня принимают за девчонку двенадцати лет, особенно когда я не на каблуках, а, как сейчас, в джинсах и кедах. Где работаю, говорить не хочу, скажу то, что я частенько летаю на самолетах. Как правило, это командировки в Китай, причем Китай не туристический, в «фен-шуях», пагодах и хризантемах, но в Китай вонючий, ядовитый, крикливо-шумный, в Китай фабрик, грязных оптовых рынков, громадных городов под серым, бензиновым небом. Случается летать по работе и в Италию, реже в Германию. В последнее время все больше достаются командировки на юг России, что вовсе не плохо. Встречают меня радушно, провожают весело, гостиничные номера – чистые, еда – привычная, ну а досуг… Я даже Милан не успела познать со стороны музеев и «плейс оф интерест» – тааак, посидела с ноутбуком в «ресторанте» у Дуомо, даже внутрь собора не зашла – потом, потом, еще столько раз буду в Италии, сейчас же устала, ноги гудят, голова звенит… У меня в двадцать семь лет нет ни детей, ни мужа, ни парня, – есть работа, какая мне очень нравится. Еще есть мама, папа, старшая сестра, которая замужем и счастлива, есть ее сын – мой племянник. Все они живут в Подмосковье… Пожалуй, для первого знакомства с Клэр достаточно.

Место при регистрации мне досталось у окна – отлично! Слева от меня, у прохода, сел на место «D» симпатичный, высокий парень в очках с толстой черной оправой да с толстыми стеклами. Стрижку ему было бы неплохо освежить – кудри сбились в неопрятную кучу. Как и я, он сразу же отгородился от детского плача наушниками, запустил на смартфоне какой-то фильм. Вскоре между «кудряшом» и мной втиснулся в узкое кресло седоватый дядька лет пятидесяти с добродушным лицом и необъятным пузом. «Дядька», занявший локтями два подлокотника, пытался поговорить, но я настроилась доспать свое – как-никак пробудилась в шесть утра – отвернулась к овальному окошку, нашла в «Музыке» папку «Для дорога».

Готовился «Боинг» к взлету столь долго, что я успела задремать. Приоткрыла глаза, когда он уж с ревом разгонялся, заглушая Леру Линн, проникновенно поющую мне в уши, что это ее самая нелюбимая жизнь – та, где он летает, а она нет. Что ж, я-то летаю. Ариведерчи, дождливая Москва, гутен таг, солнечный юг. Внизу, уменьшаясь, проплывал в хмуром свете, точно ковер из бурой водоросли, осенний лесок. Прилечу же я в лето, где зелено и тепло, где я сниму свитер и надену бейсболку, оберегая кожу от зловредных веснушек. «Боинг» поднимался выше, дымка сменилась плотной белесой пеленой. Я закрыла глаза. Сон пришел молочно-ватный, как та облачная пелена.

Джейн Доу

Шасси «Боинга» недружелюбно встретила толчком посадочная полоса, и я очнулась от сна. «Дядька», что ранее был по соседству, почему-то отсутствовал (в туалете он, что ли?). Кудрявый парень, как и я, сонно моргал. Три кресла за ним, по левую сторону прохода, занимала семья: муж, жена и их пятилетний, неугомонный сынок, который сейчас молчал (неужели!). Когда самолет замер, многие пассажиры захлопали.

Не то чтобы я себя плохо чувствовала, скорее не плохо, а странно: голова пустая, мысли тугие, тело вялое… Вроде так бывает при низком атмосферном давлении. Машинально достала свою небольшую сумку с багажной полки, по привычке надела поверх свитера черную куртку. И в Адлере моросил дождик; густой туман заволок всё вокруг. Везли нас от самолета на автобусе. Пассажиры в нем будто спали стоя, молчали…

Двери автобуса открылись перед типичным стекольно-бетонным, безликим, зданием аэропорта. Надпись над раскрытой дверью гласила: «Терминал С. Добро пожаловать в Рай». Я усмехнулась. Сочи, конечно, расцвел, но «рай» – громко сказано, всё же не Мальдивы. Стюардесса с красной помадой на губах улыбалась у этих стеклянных врат отнюдь не дежурной улыбкой. Отчего-то тогда, глядя на нее – милейшую и приятнейшую брюнетку модельного роста, мне впервые стало страшно.

Она носила небесно-голубую форму в стиле американских шестидесятых: мини-юбка трапецией, пиджак с рукавами три четверти, шляпка-котелок; белая

строгая блузка, белые перчатки; удобные «бабушкины» ретро-туфли коричневого цвета на низких, устойчивых каблуках, косметики на лице столько, что мне захотелось подуть не нее, как на пыльную вещь. Про таких особ говорят – «женщина без возраста», – одновременно ей хотелось дать и двадцать лет, и сорок. Прошли мы все, пассажиры рейса ЗМ-321, в зал, где, как для конференции, стояли в ряды дешевые черные стулья, впереди светлел экран. Мы все тупо расселись, не задавая вопросов, только обеспокоенно переглядываясь. Стюардесса прошла к экрану.

– Меня зовут мисс Джейн Доу, – говорила на безупречном русском «американка». – Я счастлива приветствовать вас в терминале С! Раз вы здесь, то всем вам повезло – все вы попали после крушения лайнера в Рай. Поздравим себя за это! – зааплодировала она, многие пассажиры захлопали. Я в ладони не била, а оглядывалась. Итак, «Боинг» был забит: тридцать три ряда по шесть человек в ряду плюс пара младенцев, – это две сотни пассажиров. В конференц-зале же таращилось на стюардессу не более сотни людей. Причем все собравшиеся – взрослые, ни одного ребенка.

– Знаю, что вопросов у вас множество, – продолжала Джейн Доу, – но прежде, чем их задавать, прошу внимательно прослушать краткую вводную лекцию. На первый взгляд, конечно, терминал С на рай не походит – не так вы себе представляли Небеса, понимаю. Однако именно так выглядит Рай для тех, кто погиб в авиакатастрофе. Вашим душам надо привыкнуть к тому, что они мертвы для родных, и терминал С – идеальное место для адаптации. После вас будет ждать терминал В, после – терминал А. То, насколько терминал С станет для вас домом, зависит от вас. Не унывайте, не хулиганьте, не нарушайте распорядок дня, – всего-то три несложных правила. Для отличников пребывание в терминале С продлится всего тридцать три дня, для хорошистов – сорок. Троечники задержатся здесь на года, двоечники – на века, безнадежные – на вечность. Отбой у нас в восемь вечера, подъем – в пять утра. До шести – завтрак, с шести до десяти – работа, с десяти до одиннадцати – обед, с одиннадцати до пятнадцати дня – работа, с пятнадцати до восьми – ужин и свободное время, что советую потратить в библиотеке. В терминале С за век скопилась замечательная библиотека, обширнее какой, пожалуй, только библиотека в филиале Рая для сгоревших в пожаре. Выходных дней в терминале С нет, зато два дня, как вы и привыкли, будут в терминале В, а в терминале А, вообще, все дни – вы-ход-ные. И сразу оговорюсь, что да, филиалов в Раю множество. Утонувшие плавают на кораблях, погибшие от голода пируют, сгоревшие в пожаре нежатся в спа. Ну а вы испустили дух столь быстро, что не успели осознать свою смерть. Лечение вам не требуется, зато требуется умиротвориться душой. Для начала о приятном

в терминале С. Во-первых: здесь нет боли! Геннадий Васильевич, не мучились ли вы из-за изжоги? У вас, Белла Руслановна, зубы уж не заноют! А вам, Эдуард Викторович, очки теперь не нужны…

Кудрявый парень, мой недавний сосед, снял очки, огляделся и снова их надел. Может быть, зрение к нему не вернулось?

– Во-вторых, – задорно говорила Джейн Доу, – здесь нет немощи. Никто не постареет и не ослабнет. В-третьих, здесь не растут ни ногти, ни волосы, – достаточно раз посетить наш салон красоты и великолепно выглядеть навечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rina-ore_/tri

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить